

Михаил Эстеркин

**Вся
провинциальная
рать**

18+

Михаил Эстеркин

Вся провинциальная рать

«Автор»

2026

Эстеркин М.

Вся провинциальная рать / М. Эстеркин — «Автор», 2026

Что, если ваша удача — это ошибка? Адвокат Альберт Кемельман всегда выигрывает. Он уверен: всё в его жизни — результат собственного ума и расчёта. Но однажды ему напоминают о просьбе, которую он оставил много лет назад у Стены Плача и о том, что она была исполнена незаконно. С этого момента его жизнь начинает рушиться. Арест друга, сфабрикованное дело, давление следствия и странные звонки, которые невозможно объяснить — всё складывается в одну цепь. Кто-то требует восстановить справедливость. Но кто именно? Кемельману предстоит понять: это всего лишь игра людей — или за ним пришли силы, которые не ошибаются дважды.

© Эстеркин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 4	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Михаил Эстеркин

Вся провинциальная рать

Глава 1

В этом котле варится нектар жизни

— Все последствия в этом мире имеют свои причины,— сказал адвокат Кемельман и посмотрел в ту сторону судебного зала, где сидел представитель его клиента, который одобрительно махнул головой. Сделав небольшую паузу, адвокат повернул голову к судье — В нашем конкретном случае,— продолжил он,— нет смысла оспаривать сумму искового требования, поскольку она не является следствием действия или бездействия ответчика, а говоря простым языком «высосана из пальца» В зале раздались одиночные аплодисменты и судья тут же ударил деревянным молоточком по деревянной подставке — Прошу тишины!— строго объявил судья и предложил адвокату продолжить свое выступление — В принципе у меня все,—заметил адвокат.— Истец в обоснование своих требований сослался на закон, утративший свою силу в прошлом году Суд, однако, принял решение в пользу истца, местной налоговой инспекции

Глава 2

Много лет до этого выступления в суде, а точнее в год 5775 от сотворения мира в одиннадцатый день месяца Сиван в десять часов 39 минут двое незнакомых друг с другом мужчин положили записки в расщелину камней Западной части Храма, именуемого Стеной Плача. Было это следствием или причиной последующих событий, развернувшихся в городе Коблевске, соответствующие органы однозначного вывода не сделали

Глава 3

Однако накануне адвокату Кемельману, блондину с голубыми глазами, приснился сон, что на родной город Коблевск опустилась паутина похожая на рыбацкую сеть, и те, кто притворились спящими и не шевелились, остались живы, а те, кто спросонья стали возмущаться, ножами кромять толстые, как канаты, ячейки паутины и требовать немедленно вернуть город в прежнее состояние, были тут же съедены огромным пауком, примчавшимся на звон серебряных паутинок. Адвокат Кемельман в вещие сны не верил, но во сне был в числе тех, кто не шевелился. В свой офис он пришел в бодром и приподнятом настроении, потому что решил обжаловать неправомерное, по его мнению, решение суда в следующей судебной инстанции, о чем сообщил своему самому богатому клиенту Гананпольскому Он уже заканчивал набирать на ноутбуке апелляционную жалобу, когда проснувшийся городской телефон подорвал тишину кабинета, как гром среди ясного неба — Альберт Яковлевич?— спотыкаясь на каждом слове поинтересовался кто—то, очевидно, читая с бумажки. — Да,— ответил Альберт.— Сейчас я занят. Перезвоните, пожалуйста, секретарю и договоритесь о приеме. Он положил трубку и снова углубился в свои бумаги. Тут же зазвонил второй телефон . — Не бросайте, пожалуйста трубку, Альберт Яковлевич,- попросил тот же голос.-Много лет назад, а точнее в год 5755 от сотворения мира в 11 день месяца Сиван в 10 часов утра 39 минут вы положили записку в расщелину камней Западной части Храма, именуемого Стеной Плача. У нас, как вы понимаете, все записано и вы не будете ссылаться на недостаток памяти и давность события, тем более, что ваша просьба была удовлетворена —Спасибо,— рассмеялся адвокат,— Записку, как и все туристы, писал, каюсь. Что в ней было написано, не помню. В этой жизни я всего достиг сам. Я сам капитан своей судьбы Прошло четверть века. Как я понимаю, вы хотите опросить всех, кто когда—то стоял у Стены Плача в Иерусалиме? — Как говорится, не в бровь, а в глаз,— заметил говоривший.— Всегда приятно знать, что добрые дела помнят и, самое главное, ценят. Как вы сказали, хотим ли мы опросить всех, кто тогда обращался за помощью к Всевышнему?

Нет, не всех, а лично вас И знаете, почему? — Почему?— удивился адвокат — Потому что произошла ошибка. Вы незаконно получили все, что хотели. Но это, как вы любите говорить, малая беда. Получили и ладно. Дело в том, что из—за вас обделенным оказался по сути праведник, который, к своему несчастью, носил и продолжает носить такую же фамилию, как и вы — Какая трогательная история,— саркастически произнес адвокат.— Такое впечатление, что я должен теперь нести ответственность за чью—то ошибку в Небесной канцелярии? — Может быть, я неясно выражаюсь,— продолжил собеседник,— но страховка для вас с нашей стороны, так сказать, обнулилась. И теперь у нас к вам есть небольшая просьба, найти вашего однофамильца, объяснить ему, что произошло и возможно, помочь ему материально — Это уже конкретный разговор, а не демагогия,— усмехнулся адвокат.— Ловко вы подвели к деньгам. И что, есть идиоты, которые клюют на ваши предложения? — Я просто хотел напомнить вам, что не оскудевает рука дающего... — Я все понял,—сказал адвокат.— Я в сказки не верю. На учете у психиатра не состою. И по средам я не подаю — Ну тогда флаг вам в руки, капитан,— двусмысленно сказал незнакомый человек. Альберт молча положил трубку и тут же набрал номер телефона начальника полиции полковника Снаткина . —Павлуша,—попросил адвокат,— ты можешь пробить мои городские телефоны? — А в чем дело?— поинтересовался полицейский начальник. — Ничего страшного, я просто хочу знать, кто и откуда мне только что позвонил. — Добро. Покедова. У нас для хороших людей тайн нет. Найдем даже под землей. Через несколько минут телефон заверещал как резаная свинья. Альберт невольно вздрогнул, несколько секунд помедлил и решительно поднял трубку. — Сейчас Павлуша тебе не поможет, потому что его принимают работники прокуратуры. А не позвони ты ему, улетел бы он завтра в Испанию, на Тенерифы. Я же предупредил тебя, что везение закончилось и придется отвечать за свои поступки и намерения. Тут же завопил первый городской телефон и адвокат Кемельман схватил трубку как спасательный круг. Теперь он сидел обвешенный телефонными трубками и мысли метались как футбольный мяч. Слева кто—то явно ненормальный, пытался уговорить его добровольно расстаться с деньгами, а справа следователь прокуратуры Горпищенко сообщал ему о том, что Павел Иванович Снаткин, начальник полиции города, задержан за получение взятки в особо крупном размере и просит Альберта Яковлевича немедленно принять его дело к адвокатскому производству. Трубка справа запиликала короткими гудками. В трубке слева словно онемели, очевидно удостоверившись в том, что полковнику полиции Снаткину сейчас действительно не до проверки городских телефонов адвокатского бюро.

Глава 4

— Кто бы мог подумать...— сказал следователь Горпищенко, тридцатилетний мужчина с подвижным лицом, которое могло одновременно выражать разноплановые чувства, например, скулы и рот выдавали скупое страдание, а глаза, наоборот, радовались. Поэтому подследственные терялись в догадках, добрый перед ними следак или зверье. Умение выражать свои противоречивые чувства двигающимися скулами, ртом, складками лба, могли ввести в ступор и обмануть многих людей. Мастер психологических капканов, Горпищенко по настоящему презирал всех, кто оказывался в его власти и угодничал перед теми, от кого зависела его жизнь.

— Что случилось?— спросил Альберт, присаживаясь к столу Горпищенко и дружески пожимая его руку.

— История, конечно, темная,— начал следователь издали.— Поступил сигнал буквально час назад,— он взглянул на свои швейцарские часы— Так, мол и так, полковнику полиции Снаткину несут взятку в сумме сто тысяч долларов. Кто несет и зачем, не сообщили.

— Сигнал поступил в устной форме?— уточнил адвокат.

— Это не имеет значения,— сгустились складки на лбу Горпищенко.— Мы едва успели организовать группу захвата. Но процессуально сделано все на высочайшем уровне. Кино, понятия, деньги. Павел Иванович так растерялся, что фактически тут же признал вину. Когда имеются неоспоримые доказательства, адвокаты становятся опаснее прокуроров. Потому что своим присутствием на допросах цементируют обвинение.

— Это так не похоже на полковника Снаткина,— удивился адвокат.— Я знаю его много лет.

— Первая реакция была такой, как я обрисовал. Мы ее зафиксировали видеосъемкой, так что комар носа не подточит. Честно говоря, широко зевнул Горпищенко, я бы посоветовал семье не тратиться на адвокатов. Будет, к сожалению, сидеть. Однако сделка со следствием может вывести Павла Ивановича на мелководье

— А что, взяткодатель, уже дал показания?

— Все путем, Альберт Яковлевич. Человека держим в надежном месте, поскольку знаем на что способен Павел Иванович. Пойдете к задержанному или привести его сюда для беседы?

— А почему вы допрашивали полковника без адвоката?

— А кто сказал, что мы его допрашивали? Господин Снаткин сам изъявил желание объяснить происшедшее.

«И там, и здесь разговор будет записываться,— подумал адвокат, а вслух сказал:— Пусть Павла Ивановича приведут сюда.

- Как прикажете, господин адвокат,- Горпищенко встал и театрально пригласил Альберта занять его место. — Минут тридцать хватит? — улыбнулся следователь.

— Может и хватит, а может и нет,— сухо ответил Альберт.

В эту же минуту зазвонил мобильный телефон. Альберт увидел лицо Вики, секретаря, и ответил «Да»

— Ты меня искал?— спросила она улыбаясь. — Искал,— ответил Альберт. — Есть поручение — нужно срочно поменять номера городских телефонов.

— Зачем?— удивилась она.

— Я потом тебе все объясню,— прошептал он и отключился

Глава 5

Полковника Снаткина привели в кабинет следователя через несколько минут. Его руки были закованы в наручники, но зато красное мясистое лицо с узкими казахскими глазами выглядело удивительно спокойным.

— Снимите с него наручники,— попросил конвойных адвокат.

— Не имеем права,— ответил один из них,— без разрешения следователя.

— Ну так пойд и получи разрешение,— раздраженно сказал Альберт.

— Инструкция не позволяет оставлять задержанного с одним конвоиром,— насмешливо произнес второй охранник и покачал головой, мол, адвокат, а законов не знает.

— Я не могу работать с человеком со связанными руками,— подавив в себе гнев и как можно спокойней произнес Альберт.

— Алик, не кипятись,— сказал задержанный полковник,— времени у нас с тобой в обрез. Я могу и так с тобой переговорить. Не пугай ребят, они люди подневольные.

— Горпищенко знает, что я не буду работать с тобой в наручниках. В конце концов, ты не убийца, не грабитель, не хулиган. Ты, между прочим, еще начальник полиции города. Для чего тогда эти понты?— возразил адвокат.

— Ну формально он прав,— смутился Снаткин,— а по сути гнида прокурорская.

Альберт набрал по мобильному номер Горпищенко.

— Алексей Викторович, снимите со Снаткина наручники. Между прочим, он еще начальник полиции города,— сухо попросил он следователя.

— Хорошо, что вы мне напомнили,— хмыкнул Горпищенко.— Я только что получил бумагу об отстранении Павла Ивановича от должности начальника полиции города на время расследования. Принести ее вам?

— Я не буду работать с ним, если он останется в наручниках,— пригрозил адвокат.

— Я так думаю,— спокойно произнес Горпищенко,— что у нас в городе адвокатов, как собак нерезаных. Поэтому можете уйти. Я позвоню дежурному адвокату, который не будет здесь командовать. Кроме того, договор со Снаткиным вы еще не заключили

— А как я могу заключить договор с подозреваемым, если у него руки закованы в наручники?— парировал Альберт, но уже без прежнего напора. Столь наглое поведение следователя говорило о многом. Во—первых, что в глубине серьезных кабинетов, дали добро на показательное наказание Снаткина, а во—вторых, там, очевидно, уверены, что обладают железобетонными доказательствами его вины.

— Передайте телефон одному из конвойных,— приказал Горпищенко.

Альберт знаком подзвал к себе охранника и передал ему свой мобильник.

Охранник слушал распоряжение следователя и молча кивал головой, затем вернул телефон адвокату, подошел к Снаткину и отстегнул наручники.

— Если что, мы за дверью,— ни с того, ни с сего сказал он и махнул рукой своему напарнику, мол, пошли.

Умные восточные глаза Павлуши просияли. Он потер затекшие руки и пошел к столу, за которым сидел адвокат. Несколько секунд они молчали, выжидая, когда останутся одни.

Альберт дал знать рукой о том, что их разговор, возможно, будет прослушиваться и записываться.

— Понятно,— согласился полковник.— С чего начнем?

— С заключения договора.— деловито объявил адвокат и вынул из своего потертого рыжего портфеля необходимые бумаги.— Подписать нужно здесь и здесь.

Павел Иванович добросовестно расписался там, куда показал Альберт.

— Что же вы, господин Снаткин подписываете договор не читая?— нарочито громко сказал адвокат.

— Это же не приговор,—сострил полковник.

При этом адвокат придвинул задержанному листок бумаги, на котором большими буквами было написано одно предложение.

«Все самое важное только письменно».

— Ага,— согласился Снаткин и подмигнул Альберту правым узким глазом.

- А теперь начнем с самого начала,- предложил адвокат.- Тебя подозревают в получении взятки в особо крупном размере — Я ответственно заявляю,- громко произнес Снаткин.- Это провокация. И все от городского прокурора до последней шавки это знают, но делают вид, что поймали оборотня в погонах.

— Можно поподробнее,- попросил адвокат.- Как все произошло? Кто пришел? Сколько принес? Что просил? Трогал ты деньги руками? Остались следы специальной краски на руках? — Алик,- неожиданно возбудился полковник.- Перед тобой сидит матерый ментяра, прошедший суровую школу жизни. Я в рабочем кабинете, как ты знаешь, взяток не беру, о работе с друзьями и знакомыми не разговариваю. Потому что я не знаю, сколько микрофонов меня слушают. Даже в аквариуме с пираньями, которых ты так любил подкармливать, заложена микрокамера с обзором в триста шестьдесят градусов. — Стоп,- сказал адвокат.- С этого места тщательнее. Откуда тебе известно о камере? — Мир не без добрых друзей,- умно ответил полковник.- У меня в дверях кабинета нет замка. Это моя принципиальная позиция. Любой гражданин и любой сотрудник в любое время, если я там нахожусь, может меня найти без записи и разрешения. По другому начальник полиции работать не может. А если может, то это уже не полиция, а что-то другое. — Ты хочешь сказать, что все твои действия в течение сегодняшнего дня зафиксировала микрокамера? — Я даже уверен, что эти суки,- Снаткин показал пальцем на входную дверь,- уже ее сняли и все изучили. И сейчас думают о том, как красиво выйти из этого положения — Горпищенко уже побежал за букетом роз,- умилился адвокат. И тут же сказал: — Подведем предварительные итоги: у нас есть микрокамера, которая объективно зафиксировала весь процесс. Чем же конкретно она может нам помочь? — Я являюсь акционером титанового комбината,- сообщил Снаткин.- Ну чтобы быть совершенно точным, акционером является моя жена Таисия. Эти акции лежали у нас лет десять без всякой надежды на прибыль. Комбинат был постоянно в тяжелом финансовом положении и акции бесполезно пылились в коробке с моими грамотами и медалями. А месяц назад ко мне пришел один из собственников комбината, да ты его знаешь, Аркадий Кеосаян. У него начались какие-то терки с партнером. Партнер его живет в Питере, имеет сорок девять процентов акций, а Аркашка только сорок один. Вот он тут же сообразил, что если наши акции купить, его партнер становится младшим научным сотрудником, а сам Аркан хозяином предприятия. Он предложил мне сто тысяч баксов за них. Короче, дней пять назад мы все бумаги оформили на Кеосаяна, а бабки он обещал подождать попозже, пока соберет их или одолжит. Вот сегодня он и прислал человека ко мне. Я не успел даже коньяк по стопкам разлить. Ворвались в кабинет, положили нас на пол, схватили целлофановый пакет с деньгами. Все снимали на камеру и кричали как полоумные, деньги чьи. Вот и вся история.

— Ты сказал «представитель завода». У него была с собой доверенность?

— Послушай, Алик. Все бумаги на акции мы оформили заранее. То есть моя жена все подписала и передала акции Аркадию, как и предусмотрено законом. Ты хочешь сказать, что человек этот был не от Кеосаяна? Ну может быть, это был не представитель завода, а представитель гражданина Кеосаяна. Так тебя устроит? Человек принес деньги. Перед этим мне позвонил Аркадий и сказал, что деньги уже в пути. Я должен был проверить документы этого человека? Я даже не знаю, как его зовут. Я сразу сказал Горпищенко, что это деньги мои и объяснил их происхождение.

Красивое лицо адвоката сморщилось, как от зубной боли.

— Я что—то сделал не так?— спросил полковник.

— Как к честному человеку и гражданину к тебе претензий нет, но как опытный полицейский, ты допустил одну непростительную ошибку. Ты заговорил раньше, чем встретился со своим адвокатом. Таким образом, ты уже лишил себя права на вариативность версий происшедшего.

— А зачем мне что—то выдумывать?— искренне сказал Снаткин.— Правда, она и в Африке правда. — Пусть посмотрят фильм об одном дне из жизни полицейского начальника и поймут, как они облажались.

ГЛАВА 6

В ста метрах от кабинета Горпищенко, в подвальном этаже городской прокуратуры, в комнате, предназначенной для собраний трудового коллектива, шло совещание оперативно—следственной группы.

За узким длинным столом сидели следователь Горпищенко и два оперативных сотрудника местной службы безопасности. Перед ними, развалившись на пустых стульях, тихо переговаривались между собой остальные оперативники, наспех собранные из аппарата областной полиции.

— Я прошу каждого из вас перед докладом о проделанной работе, представляться,— сказал Горпищенко. — Таким образом, мы не только продуктивно поработаем, но и познакомимся друг с другом. Кто руководил обыском рабочего кабинета Снаткина?

С третьего ряда стульев поднялся опер с помятым лицом и в желтом свитере.

— Капитан Пустовойтенко,— медленно сообщил он.— Обыск начался в 13—30 и закончился в 15—00. Протокол составлен и передан Вам. Ничего интересного не найдено.

В этот момент зазвенел телефон Горпищенко.

По номеру звонившего Алексей Викторович сразу же определил, что звонят из радиотехнического кабинета, расположенного рядом с комнатой, где началось совещание оперативно—следственной группы.

— Слушаю,— сказал Горпищенко, поглядывая на замолчавших людей в комнате.

— Алексей Викторович— это я,— радостно доложил ему советник прокурора города по компьютерным технологиям Петров

Вся обязанность Петрова и подчиненных ему людей заключалась в том, чтобы прослушивать беседы подследственных с адвокатами и между собой, если их намеренно оставляли наедине друг с другом.

По прокуратуре ходили слухи, что Петров и его «опричники» пишут и следователей, и помощников прокурора и оперативников, откомандированных в прокуратуку и что эти записи регулярно слушает прокурор, а особо увлекательные, касающиеся интимных отношений или критики действий прокурора, по его указанию распечатываются и попадают в синюю папку.

Поэтому с Петровым, худощавым очкариком, преданным прокурору как собака, говорить приходилось вежливо и уважительно.

Не исключалось, что и оперативное совещание по делу Снаткина тоже писалось.

— Слышу,— подтвердил Горпищенко.— Есть свежие новости?

— В аквариуме Снаткина находится микрокамера. Она устаановлена уже давно., но что интересно, Снаткин о ней знает.

— Кем установлена? Снаткиным?— удивился Горпищенко.— Или твоей конторой?

— Обижаете, Алексей Викторович, мы так глубоко не бурим. Это, скорее всего служба безопасности или наркоконтроль. Если хотите видеть картину дня, несите мне ее вместе с постановлением об обнаружении и изъятии. Это будет бомба в суде.

— Благодарю за службу,— похвалил Петрова следователь и прекратил разговор.

— В протоколе значится аквариум с рыбками,— нашел на столе протокол следователь. — Воду из аквариума сливали?

— Чего?— изумился капитан Пустовойтенко.

— У вас что—то со слухом, капитан?— нахмурился Горпищенко.

— Нет, не сливал,— ответил опер.

— Рыбок жалко,— хохотнул кто—то из присутствующих.

— Я вторые сутки на ногах,— обернулся на смех капитан Пустовойтенко.— У меня два трупа в разработке. А меня сюда кинули, чтобы аквариумы чистить?

— Свободен,— сказал Горпищенко.

— В каком смысле?— спросил недоуменно Пустовойтенко.

— В самом прямом,— сгустил на лбу складки следователь. — Если понадобится гавно руками разгребать, чтобы найти доказательства, будете разгребать, капитан. Свободен до утра.

Опер Пустовойтенко махнул головой и шатающейся походкой вышел из комнаты. В наступившей тишине Горпищенко обвел взглядом зал, поднял еще один протокол и спросил:

— Кто допрашивал Пермана Юрия Львовича?

— Я.— поднялся круглолицый румяный парень.— Лейтенант Скворцов.

— Вы допрашивали его три часа,— потрясая протоколом, грозно заметил следователь. — Вы исписали четыре листа своим куриным почерком, который невозможно разобрать. Где подпись допрошенного?

— Он отказался подписывать протокол,— объяснил лейтенант.

— Почему?— поинтересовался Горпищенко.

— Я же говорю, что он какой—то странный. Может псих. Я ему дважды прочел протокол, а он отказался его подписать, мотивируя тем, что мой почерк трудночитае́мый

— Я же выделил вам кабинет с компьютером,— зловеще произнес Горпищенко. — Этот Перман, умнее вас, лейтенант Скворцов ровно в два раза. Вы понимаете, что вы срываете ход расследования? Перман — это взяточдатель. Он должен был показать, за что он передал Снаткину сто тысяч долларов. А что вы с его слов тут нацарапали? Шел в булочную, споткнулся о пакет, увидел американские деньги, испугался и прибежал к начальнику полиции, чтобы их отдать, может хозяин впоследствии найдется.

— В протоколе стоят подписи понятых, которые подтвердили отказ этого Юрия Львовича подписать протокол,— оправдывался Скворцов, нервничая, отчего румянец, как ожог, поджарил его обе щеки. — И я не виноват, что принтер не херачит, а вы каждые полчаса требовали положить его показания на стол.

— Этими показаниями даже подтереться нельзя,— подвел итог Горпищенко и передал протокол одному из оперативников службы безопасности.

— Вы случайно по маме не еврей?— спросил не поднимая головы представитель государственной службы безопасности.

— Никак нет,— отвечал лейтенант полиции.

- Если к утру мы не получим от Пермана тех показаний, что нам надо, — не поднимая головы от бумаги, негромко сказал мужчина,- мы тебе сделаем обрезание по всем правилам Талмуда. Встал и пошел работать. Петренко,- обратился он к мужчине в последнем ряду, лицо которого обрамляла ухоженная небритость,- дай ему в помощь двух своих пацанов. Но не дай бог, если этот Фердман к утру отдаст богу душу или впадет в кому. Ты меня понял?

— Так мы же не пальцем деланные, Василь Васильевич,— поднялся Петренко и улыбнулся.

— Перман,— поправил Василия Васильевича Горпищенко.

— Перман, Фердман Для меня они, как китайцы, все на одно лицо,— объяснился оперативный работник службы безопасности.

Лейтенант Скворцов с горящим от волнения лицом в сопровождении Петренко покинули комнату

— На сегодня все свободны,— объявил Горпищенко.— Завтра в девять утра продолжим. Вдох облегчения пронесся по рядам.

Горпищенко повернулся к Василию Васильевичу.

Если бы он не знал, что Василий Васильевич Скоморох был майором и исполнял обязанности начальника отдела по борьбе с коррупцией

службы безопасности, он никогда не поверил бы, что человек с лисьим выражением лица, глубокими залысинами и глазами навывкате, в скромном помятом сером костюме с серым галстуком, мог трудиться в таком отделе. В толпе Скомороха можно было принять за кого угодно, учителя труда, бухгалтера, безработного. Наверное, безличные внешние данные играли немалую роль в приеме на такую службу, но зацепиться можно случайно, а вот пригрезиться навсегда означало какой—то талант, который, наверное, был виден тамошнему начальству.

— В кабинете Снаткина, в аквариуме, обнаружена микрокамера,- тихо сообщил он Скомороху. — Это уже, наверное, по вашей части, Василий Васильевич. Я подгоню сейчас понятых, а вы, пожалуйста, оформите изъятие как и положено. Наши технари уже ждут ее с нетерпением. — Кругом – один бардак,- пожал плечами Скоморох.- Что это за обыск, если микрокамеру сразу не нашли? А по поводу того, кто ее там поставил, мы еще разберемся. И я не удивлюсь, если вдруг выяснится, что Снаткина писали и слушали, вы, прокурорские. С чего бы это ты опера чуть до инфаркта не довел? Почему воду в аквариуме не поменял,- передразнил он следователя. Получается, ты целый день знал о микрокамере и водил всех за нос? Василий Васильевич направил свои базедовые глаза как окуляры бинокля на Горпищенко, который вдруг ощутил неприятный холодок в желудке. Так бывало с ним, когда он проплывал в кабине фуникулера над пропастью. Страх высоты подступал к самому горлу и ничего с этим нельзя было поделаться. -- Если бы камеру ставили мы,- продолжил майор Скоморох как ни в чем не бывало,- мне сообщили бы об этом еще вчера. Мы здесь не на посылках, а для контроля, чтоб все шло как надо. Первым делом надо передпросить этого Фердмана

— Пермана,— подсказал Горпищенко.

— Вот именно. А заодно и Снаткина. Кто у него адвокат?

— Альберт Кемельман,— ответил следователь.

— Будет путаться под ногами, я лично приму меры. Мне начальник налоговой уже голову прогрыз насчет этого адвоката. Представляешь, нашел в акте проверки налоговой ссылку на закон, который был отменен до начала проверки и требует от государства вернуть миллионы тугриков этому проходимцу Гананольскому. А заодно еще и моральную компенсацию в сотни тысяч. Как это получается, что все дела, которые он ведет в судах, всегда заканчиваются его победами? У нас в судах, слава богу, нет ни одного еврея. Почему же судьи всегда соглашаются с его доводами? Какие у тебя есть на этот счет размышления?

— Все дело в текучке,— осторожно ответил Горпищенко.— У нас на каждого следователя по сто дел в месяц. При такой нагрузке, мы, конечно, допускаем ошибки. А Альберт, адвокат грамотный, умеет зацепиться за торчащую в деле белую нитку и размотать клубок.

— Все это глупости,— безапелляционно заявил Скоморох.— По моим негласным данным, он платит каждому судье бабки. Ты знаешь размер его гонораров? Я как—то подослал своего агента к нему, так он за час снял с него триста баксов. Я, пожалуй, опять включу его в свою разработку. Дай мне допросить Снаткина в присутствии адвоката. Я хочу понять, в чем он силен и вывести его на нашего судью—агента. Вот тут мы его и хлопнем. Кстати, еще одна странная закономерность. Этот адвокат еще ни разу не вел дела у нашего судьи. Это подозрительно. Инстинкт самосохранения или наша недоработка?

— А что, если это подстава?— вслух высказал свои сомнения Горпищенко.— Мы получаем запись сегодняшнего дня, на котором придурок Перман объясняет Снаткину, что нашел деньги на улице и принес их начальнику полиции, чтобы тот нашел их владельца. Ведь, если эту камеру поставил сам Снаткин, она может работать выборочно, чтобы быть доказательством отсутствия вины начальника полиции?

— Интересная мысль,— как бы проснулся коллега Василия Васильевича и шелкнул своими огромными зубами.— Этот Снаткин – видно, жук опытный. Сам поставил камеру, сам ее редактирует, сам устраивает нужные постановки

— Вы оба— идиоты,— прошипел Скоморох и разыскал одну из бумаг на столе.— Вот объяснительная Снаткина. «Это деньги мои,— пишет он своей рукой.— Это цена акций моей жены. Мы продали их Аркадию Кеосаяну за сто тысяч долларов. Он может это подтвердить.» Кто такой Кеосаян?

— Я вызвал его завтра на допрос,— пояснил Горпищенко.— Аркадий Кеосаян— совладелец титанового завода.

- Вот с него и начнем,- решительно сказал майор.- А с микрокамерой поступим таким образом. Изымем ее, посмотрим и если она нам не нужна, утопим в Южном Буге. Если там что-то будет полезное, оформим все необходимые бумаги и приобщим к делу как доказательство. — Про объяснительную я знаю,- оправдательно пояснил следователь,- Сам отбирал. Но почему он открыто об этом говорит с адвокатом? Если камеру ставили специальные органы, откуда он знает, что его вели и записывали Слишком все как-то туманно. Мы ее не ставили, вы ее не ставили. Кто же, кроме Снаткина, мог ее поставить? Чувствую, что эта микрокамера нужна нам, как геморрой. Предположим, Кеосаян завтра покажет, что ничего у жены Снаткина не покупал и денег не передавал. Что мешает Снаткину заявить, что это деньги его и он одалживал их Перману, а Кеосаяна приплел к делу, так как не помнил о чем он говорил, лежа на полу в гипертоническом кризе. Мы должны расколоть Пермана по полной. Мы должны узнать, что их связывает или кто, за что он передал эти деньги Снаткину? Может быть, Снаткин связан с Кеосаяном, а Перман просто посредник, так сказать, почтальон? Или Кеосаян завтра заявит, что это деньги его и он передал их в счет покупки акций жены Снаткина через своего знакомого Пермана. И микрофильм это подтвердит?

— Почему же тогда Перман это не сказал сразу?— удивился коллега Василия Васильевича.— А начал нести пургу?

— Ни Снаткина, ни его жида—адвоката я не выпущу,— просто и убедительно сказал Скоморох.— У меня есть свои простые методы ведения дела. Эти методы укладываются в четкое определение— параллельная реальность.

— Иголки под ногти?— подколот майора Горпищенко.

— Боже упаси,— перекрестился Скоморох.— Я никогда в своей жизни не бил подследственных. Я богобоязненный человек. И поскольку я верю в Бога, они сами чистосердечно все рассказывают, раскаиваются в содеянном и видят во мне искупителя своих грехов. Поэтому, если все окажется так, как говорит Снаткин, нам придется искать в этой цепочке самое слабое звено. Цепочка эта состоит из посредника, взяточдателя Кеосаяна, взятокополучателя Снаткина и его душеприказчика Альберта Кемельмана.

- А при чем здесь Кеосаян?- спросил следователь.- Даже, если выяснится, что он передавал деньги за акции. Этот факт подтвердится, скажем, договором купли-продажи. И что? Где тут взятка или служебное преступление? --Кеосаян – самое слабое звено,- неожиданно добродушно хмыкнул майор.- Если завтра он подтвердит передачу денег Снаткину под любым предлогом, даже под предлогом покупки акций, я сначала подведу под цугундер Снаткина, а потом и его адвоката. Где это видано, чтобы начальник полиции города получал деньги за какие-то акции в собственном кабинете? За акции, отмечу, которые ему не принадлежат. По сути, это форма прикрытия получения незаконного вознаграждения лицом, занимающим высокое ответственное положение. А Кеосаян еще оплатит все наши волнения и сомнения по этому делу. Майор сладострастно потер руки, а на его тонких синих губах появилось подобие улыбки. — Не дрейфь, Алексей,- сказал он следователю.- И более крутые перцы готовы были идти со мной на сделку. Уж очень я обаятельный человек. При этих словах Горпищенко снова почувствовал, как рвотные массы против его воли подкатили к горлу и он страшным усилием воли все-таки остановил их. Глядя в простое и добродушное лицо майора, следователь поймал себя на мысли, что панически боится его. На миг он даже подумал, а не уйти ли ему в отпуск и передать это дело другому следователю, но тут же испугался, что этот обаятельный человек

слишком много поведал ему о себе, чтобы так просто его отпустить. « Я сегодня просто переработался,- подумал Горпищенко.- Что я себе вообразил? Этот Скоморох, обыкновенный работник службы безопасности, возможно, он тоже перевозбудился. Что в нем такого страшного? Пожилой человек, с удивительными водянистыми глазами, в которых ничего нельзя прочесть. В конечном счете, не он, а я руководитель следственно-оперативной группы и надо будет просто как-нибудь поставить его на место Или попросить его руководство прислать кого-нибудь другого? А может ничего не предпринимать и поучиться у опытного чекиста как без пыли и шума раскалывать подследственных? Ну что в нем страшного? С виду добродушный дедушка, фантазер, открыто не любит семитов, таких в каждой стране не более пяти процентов, приходит домой, обнимает детей, внуков, целует жену Фу! Метод налаживания контактов с обвиняемыми – «параллельная реальность». Что это такое и с чем его едят? Неужели читает подследственным молитвы, рассказывает об апостолах и пробивает слезу в деревянных душах? Надо посмотреть, как он это делает. И все-таки не хотел бы я оказаться в его власти. В конце-концов, закончим это дело и разъедемся, как в поле комбайны. А с другой стороны надо показать этим ублюдкам из тайной канцелярии, кто тут в доме хозяин. И начинать надо не с допросов, этим, слава богу, есть кому заниматься, а немедленно провести повторный обыск в кабинете Снаткина. И если мы найдем там кинофильм о преступной деятельности полковника полиции города, наши собственные горизонты двинутся в направлении, о котором раньше невозможно было даже мечтать. Скажем прокурор города становится прокурором области, а прокурором города становится старший следователь прокуратуры пан Горпищенко. Такой случай упустить нельзя ни в коем случае. -Господи, неужели и мне суждено оказаться в нужном месте в нужное время?!- спросил неизвестно кого Алексей Викторович, потому что с Господом у него были довольно прохладные отношения. Все в этой жизни приходилось выцарапывать самому, а количество выигранных лотерейных билетов в тираже было, как обычно, небольшим, и выдавались Небом не каждому при рождении, а доставались почему-то другим, недалеким, ограниченным, но со связями.»

— Я решил, что надо немедленно провести повторный обыск в кабинете Снаткина,— твердо и сухо сказал Горпищенко.

— Это разумно.—неожиданно поддержал его майор Скоморох.— Я тут прикинул, что микрокамера нам нужна как воздух. Вашего технаря прихватим, или мне пригласить наших специалистов?

— Мы будем действовать по закону,— необдуманно произнес следователь, глаза которого горели как угли.

— Это как?!— усмехнулся Василий Васильевич.— А до сих пор что мы делали? Ты приложения к протоколу об обыске просматривал? Там на тебя компромат собран будь здоров. Десять админпротоколов за нарушения правил дорожного движения находились, между прочим, в столе начальника полиции в грязной папке, на которой, наверное, резалась колбаса и селедка. И если мы будем действовать по закону, то я обязан сообщить твоему непосредственному начальнику, что тебя необходимо немедленно отстранить от следствия в связи с личной заинтересованностью в исходе уголовного дела.

— Какое приложение?— изумился Горпищенко, отчего его лоб сморщился.— Там не было никакого приложения

— Не было,— согласился Василий Васильевич,— потому что опер тебя пожалел, не включил их в опись, а может подумал, что это к делу не относится. А вот наша служба, эти протоколы нашла и сфоткала еще дней десять назад. Сначала я не придавал никакого значения этим документам, а теперь, видишь, какое место они занимают в твоей жизни.

Василий Васильевич показал Горпищенко свой серебристый мобильник, похожий на маленький планшет, перелистал в нем приложения и включил нужное. На экране гаджета

вспыхнули документы. Скоморох увеличил размер текста и Алексей Викторович четко увидел текст с названием ПРОТОКОЛ

— Про аквариум мы не знали,- сказал Василий Васильевич.

- Тогда ваш человек должен быть зафиксирован этой камерой,- сказал Горпищенко. — Поэтому надо срочно ехать в горотдел, проводить не повторный, а новый первый обыск,- пропустив мимо ушей замечание следователя о том, что камера могла заснять незаконное оперативное действие работника службы безопасности, заметил майор Скоморох.

— Я готов сам подать рапорт об отстранении меня от следствия,— потухшим голосом произнес Горпищенко.

— Если не будешь строить из себя целку,— по отечески сказал Василий Васильевич, и полюбнял Алексея Викторовича,— обещаю, что мы с тобой сработаемся. Нравятся мне романтики. Из них выходят либо полезные идиоты, либо настоящие палачи. И те , и другие остро необходимы нашему идеологическому государству. А дело, которое нам досталось, требует от каждого из нас полной самоотдачи. Про папочку забудь. Кроме меня о ней никто не знает. Не было никакой папки. Считай, что я просто проверял тебя на вшивость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.